

ВСТУПЛЕНИЕ В ПРАВА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДОВАНИЯ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

*Работа представлена кафедрой философии
Дальневосточного государственного технического университета.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор С. Е. Ячин*

Автор исследует современную российскую антропологическую ситуацию, обращаясь к работам М. К. Мамардашвили и Н. Ф. Федорова. Через творчество двух столь различных философов мы подходим к значимой для нас теме наследования, которая представляется ключевой для осмысленной постановки многих вопросов российской современности и будущности.

The author of the article investigates the modern Russian anthropological situation adverting to the works by M. Mamardashvili and N. Fyodorov and comes to the important theme that can be considered as a crucial one for sensible raising of many issues of the Russian modernity and futurity.

В 1984 г. М. К. Мамардашвили предложил известный «Принцип Трех К» и описал (с использованием указанного принципа) особый мир советской антропологии – мир абсурда и исходной невозможности человека¹. Когда же (во времена перестройки) собеседники спрашивали мыслителя, что же делать нам всем, жителям страны, в такой ситуации, он отвечал: «Взрослеть надо»².

Мы, жители России XXI в., – наследники СССР. Эта связь существует даже в том случае, когда ее не замечаем или пытаемся отрицать. Эта связь существует прежде всего в антропологическом измерении, а уж далее юридически, политически или экономически. Потому вопросы о продолжающемся абсурде и необходимости взрослеть остаются актуальными и исходными для нашего времени.

Как показывает период послесоветской истории – задача взросления, обретения самостоятельности политической, экономической и социальной не решается сама собой. Инфантильность и недомыслие гораздо удобнее рискованных попыток обустроить свою жизнь. Каждый из нас знает об этом на личном опыте. Что-то должно происходить в самом человеке, чтобы возможности привлекали, а трудности заставляли сосредоточиться, не останавливаться.

Если мы вслед за М. К. Мамардашвили принимаем необходимость взросления и самостоятельности как условие выхода из «зазеркальной» жизни в мир, где «можно мочь», то возникает вопрос: как возможно это самое взросление? Где опора, которая позволит сделать шаг? И может ли человек решать предельные задачи индивидуально, не признавая своих включенностей?

Для осмысления тайны взросления мы обратимся к одной важной идее Николая Федоровича Федорова (1829–1903), работы и само имя которого редко упоминаются в наши дни, но зато были весьма известны и значимы для великих русских философов и писателей конца XIX – начала XX вв.

Антропология Н. Ф. Федорова – это учение о психократии. Всеобщее родство мыслитель считал основой жизни человеческой, а следовательно – основой социального устройства и науки. Для Николая Федоровича тайна взросления, как и секрет инфантильной немощности, состоит в наших отношениях с родовой памятью: «В детском чувстве, в чувстве всеобщего родства, заключается критерий и исходный пункт дальнейшего совершенствования (т. е. достижения совершеннолетия), уклонение от коего составляет падение, создает блудных сынов, делает невозможным достижение совершеннолетия, обращает к ребячеству, которое нужно различать от детства»³.

При этом мы должны понимать, что речь идет не просто об абстрактном наблюдении того факта, что многовековая статистика семейных связей позволяет найти

родство всяких двух человек. Всеобщее родство в философии Н. Ф. Федорова – это исполненность культа предков. И речь идет не только об отцах вообще, но о моем отце и дедушке в частности. Чувство родства достижимо через открытие собственной, личной причастности к своим родителям и старшим поколениям, к своему роду. Каждый из нас – Сын Человеческий, сын своего отца и матери, внук и правнук. А уже через это мне открывается родство с другими людьми – живыми и мертвыми. Полнота присутствия в этой среде родовых связей и есть чувство всеобщего родства. «В детском чувстве всеобщего братства скрывалось, заключалось то, что каждый человек есть сын, внук, правнук, праправнук... потомок отца, дедов, прадедов, предков, общего, наконец, праотца, следовательно, в этом чувстве заключалось не только теснейшее соединение настоящего, живущего (сынов), но такое же или даже еще и большее соединение настоящего с прошедшим (отцами), в противоположность учениям древних и новых философов, ошибка которых и состоит именно в разрыве настоящего с прошедшим»⁴.

Особо скажем о том, что в христианстве и прежде всего в православии находит Н. Ф. Федоров объяснение и обоснование для всех своих идей. В то же время первичность и определяющее значение рода для каждого человека находит свое подтверждение в самых современных психопрактических наблюдениях⁵.

В свете психократических идей Н. Ф. Федорова вопрос *взросления* и обретения сил – это вопрос о вступлении в права наследования. Так обстоят дела на уровне отдельного человека и семьи. Так они обстоят в масштабе региона и всей страны.

По особому звучит в этом случае вопрос о *культурном* наследии. Культуру Н. Ф. Федоров также предлагал видеть в контексте психократии. Вне этого контекста – забвение отцов и потому культурно обустроенное «...перерождение, вырождение и наконец вымирание»⁶.

За каждым из культурных творений – затраты сил, предельные события жизни и смерти конкретных людей, родов и этносов. И когда мы видим некую вещь – чувствуем ли того, кто за ней стоит? Когда мы участвуем в некотором культурном действе – *с кем* из прошлого мы вступаем в диалог? Отсюда и вопрос о культурном наследии оборачивается для нас вопросом о личной причастности тем людям, семьям и этносам, которые присутствуют в конкретном культурном явлении. В силу этой причастности культура оказывается источником силы, а мы – наследниками. Однако если мы не можем в самих себе обнаружить и прояснить эту причастность, то и культурные ценности не могут иметь значения подлинного. Вещи остаются мертвыми. Полагая одним из центральных институтов психократического общества музеев, Н. Ф. Федоров писал о его деятельности, что она заключается «...не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями»⁷.

В мире психократии, о котором учил «Московский Сократ» (так еще при жизни был назван Н. Ф. Федоров в одной из статей, ему посвященных), задача вступления в права культурного наследования предполагает нашу готовность отвечать на вопрос о родовой и этнической привязке того или иного элемента культуры. Это одна сторона дела. Вторая сторона состоит в том, что человек, «вновь входящий» в ту или иную область культуры, психически причастен и удерживает *свое* отношение к происходящему в силу личной родовой и этнической памяти и истории: *кто я здесь*, в этой культуре и что значит для меня то, что я воспринимаю? Связь, о которой идет речь, охватывает как живых, так и умерших.

Культура доступна и действительно оказывается жизнеутверждающей средой, во-первых, в силу ее неотделимости от жизни рода и этноса и, во-вторых, в силу нашей психической причастности последним.

О. И. Генисаретский обращает внимание на то обстоятельство, что «в проблематике этнокультурной идентичности есть особая психокультурная озабоченность, отражающая связь индивидуальной и этнической психики с культурой, которая должна сохранять качество жизнеспособности, способствовать наращиванию витальных ресурсов этносов, а не угнетать их»⁸.

Таким образом, вопрос о культурном наследии в мире психократии Н. Ф. Федорова может быть осмысленно поставлен только в контексте задач восстановления, открытия, сохранения родовой и этнической памяти. В этом случае *человеческая активность и деятельность, воплощаемые в культуре, обретают свое жизнеутверждающее значение в связи с признанием родства, в связи с событийным полем встречи наших действий и родовой действительности*.

Сказанное о культурном наследии может быть рассмотрено на таком значимом для нас примере, как Тихоокеанская Россия, о которой скажем, что это воспоминание и собор лиц. Сам по себе регион как культурно-историческое явление не может быть источником жизненной силы. Только в том случае, если мы способны воспринимать его как проявление живой истории своего рода и народа, он становится символическим ресурсом. Согласно эллинскому мифу, легендарный правитель Ливии Антей был непобедим: стоило ему припасть к земле, как она давала ему новые силы. Геракл справился с Антеем, лишь оторвав от земли и удерживая соперника на весу. Здесь мы можем вспомнить, что Антей был сыном Посейдона и Геи.

Могу ли я ответить на вопрос: о ком идет речь, когда я говорю: «Тихоокеанская Россия, Дальний Восток, Приморье, Владивосток»? Во-первых, *кого* я вспоминаю? И, во-вторых, *кто я здесь*, в этом регионе, каким родством или событием причастен этому месту? Оба вопроса актуальны и в личном звучании, и для сообщества. Условием того, чтобы регион как особая часть культурной среды мог давать силы, а не

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

уходил из-под ног, является связь на уровне психики – связь моего рода и этноса с этим явлением культуры (с одной стороны) и моя индивидуальная связь со своим родоэтническим сообществом (с другой стороны). Следствием сказанного для нас является вывод о том, то регионостроительство и региональная политика встроены в круг психократических задач восстановле-

ния и прояснения действующей межчеловеческой связи, объединяющей живых и умерших по законам родства и памяти.

Мы считаем, что вопрос о наследии – это одна из первичных тем российского экспертного и научного сообщества. Осмысление этой темы есть условие корректной постановки широкого круга задач современной политики и управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию. М., 1992. С. 107–122.

² Мамардашвили М. К. Если осмелился быть // Как я понимаю философию. М., 1992. С. 182.

³ Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве // Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 141.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Мы имеем в виду семейные расстановки по методу Б. Хеллингера, см. Практика семейной расстановки / Вебер Г. и др. М., 2004.

⁶ Федоров Н. Ф. Указ. соч. С. 137.

⁷ Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 377.

⁸ Генисаретский О. И. Психокультурное измерение Евразии // Навигатор: методологические расширения и продолжения. М., 2002. С. 476.